

Августовским утром 1943 года, после длительного ночного марша по смоленским чащобам и болотам, наша часть вышла на опушку леса. Мои товарищи в полном боевом снаряжении — с винтовками, автоматами и пулемётами — от усталости едва не валились с ног.

Тут мы и услышали отчаянно весёлую, зажигательную песню, а только потом увидели наших разведчиков, лежавших среди густой некошенной травы в маскхалатах.

На солнечной поляночке,
Дугою выгнув бровь,
Парнишка на тальяночке
Играет про любовь... —

выводил один из них, привстав на колено. А его товарищи подхватывали:

Играй, играй, рассказывай,
Тальяночка, сама
О том, как черноглазая
Свела с ума...

В песне было столько удали и задора, что как-то сама собой забылась усталость, словно бы у нас прибавилось сил...

Так полвека назад я впервые встретился с песней Алексея Фатьянова.

Его песни шли с нами в годы войны по лесам, полям и болотам, помогали нам жить, воевать, работать, веселее встречать праздники, поддерживали нас в трудную минуту, а в светлые мгновения делали нашу радость ещё ощутиее, продолжительнее. Они неотделимы от нас, от наших чувств, мыслей, надежд. Они всегда с нами...

Песни Фатьянова, написанные в годы войны, были особенно близки солдатам, потому что приходили они в самое нужное время, и говорилось в них о самом главном. И говорилось замечательно просто, задушевно, проникновенно:

Ведь завтра снова будет бой,
Уж так назначено судьбой,
Чтоб нам уйти, не долюбив,
От наших жён, от наших нив, —
Но с каждым шагом в том бою
Нам ближе дом в родном краю...

Как точно схвачено здесь настроение солдата! Какое прекрасное само течение речи, какие естественные интонации, лишённые всякой вычурности!

Долго ночь длится,
Лютый ветер злится,
По траншеям нашим бьёт крылом.
Скоро ль до рассвета,
До весны, до лета
Мы с тобой товарищ доживём?..

Просто удивительно тут возрастание надежды — «до рассвета, до весны, до лета мы // с тобой, товарищ, доживём». А какое разнообразие настроений — и грусть, и мужество, и улыбка, простодушная, почти детская:

Давно мы дома не были...
Шумит над речкой ель,
Как будто в сказке-небыли,
За тридевять земель.
На ней иголки новые,
А шишки всё еловые,
Медовые на ней...

Позже наши поэты создали немало удачных песен о войне, о солдатах. И всё-таки самыми дорогими оставались и остаются сегодня для меня, впрочем, и для многих людей моего поколения, песни, написанные Фатьяновым.

...После войны я познакомился с самим поэтом — красивым, рослым, артистичным. У нас установились добрые, дружеские отношения. Я узнал многие факты его биографии.

Алексей Иванович родился в 1919 году в селе Малое Петрино Владимирской области, в тех местах, где мстёрские леса помнят славу Древней Руси и походы былинных богатырей.

Русская природа, русский уклад жизни, русская речь и русские песни окружали поэта с самого детства. Вот почему всё это так естественно живёт в его поэзии.

Писать стихи Фатьянов начал очень рано. А в 1936 году, участвуя в сельском драмкружке, он проявил незаурядные способности, поэтому не случайно в том же году был принят в Театральную школу Центрального театра Красной армии, по окончании которой, в 1938 году, получил специальность актёра. Ещё студийцем будущий поэт выезжал с театром на гастроли в воинские подразделения: побывал во многих уголках нашей страны, вплоть до Дальнего Востока. Когда же началась Великая Отечественная война, отправился на фронт. Он был рядовым солдатом и корреспондентом военных газет. Служил в ансамбле песни и пляски Орловского военного округа. Вот откуда в его стихах такое знание солдатской жизни, такое понимание солдатского сердца.

Алексею Фатьянову, вслед за А. Твардовским и М. Исаковским, по-настоящему, как никому, удалось выразить характер русского солдата, его широкую народную душу. Я даже думал о том, что если бы Василий Тёркин был не литературным героем,

а существовал как конкретный живой человек, фатьяновские песни были бы его самыми любимыми.

По мосткам тесовым, вдоль деревни,
Ты идёшь на модных каблучках,
И к тебе склоняются деревья,
Звёздочки мигают в облаках...

Всё это родное, близкое с детства, моё, наше. Сам поэт сказал об этом:

Если б я родился не в России,
Что бы в жизни делал? Как бы жил?
Как бы путь нелёгкий я осилил?
И, наверно б, песен не сложил...

Родине он посвятил самые проникновенные, сыновние, самые благодарные строки, она для него — всё: и красота, и вера в жизнь, в победу, в будущее:

Ходят грозы, ходят бури,
Ходит смерть в лихом бою.
Но спасает нас от пули
Вера в Родину свою.

Алексей Фатьянов — удивительный лирик. Истинно народный по всей своей поэтической сути, по глубине чувств, по мудрости, по чистоте речи, по душевной песенности. Только поэт такого склада мог написать:

Когда проходит молодость,
Длиннее ночи кажутся,
Что раньше было сказано,
Теперь уже не скажется.
Не скажется, не сбудется,
А скажется — забудется...
Когда проходит молодость,
То по-другому любится...

А какие ещё стихи, выражающие радость Победы, кровное солдатское братство, можно поставить в нашей поэзии рядом с его всенародно известными строками:

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...
Где же вы теперь, друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?..

Я не могу назвать таких...

Надо сказать и о другом. При жизни поэта существовал разрыв между всенародной любовью к его песням и молчанием о нём критики. Поэты военного поколения, мои ровесники и старшие товарищи, внесли свой прекрасный вклад в родную поэзию. В годы Великой Отечественной войны ими были написаны в самых трудных условиях стихи, которыми может гордиться наше поколение. Да и не только оно. Стихи эти живут уже более полувека, они украшают сборники и антологии. О них написано множество рецензий, статей, иссле-

дований. Но, как это ни странно, я никогда не встречал в них имени Алексея Фатьянова. Оно почему-то никак не связывается с фронтовым поколением. Да и вообще в критических обозрениях поэзии военных лет имя Фатьянова либо совсем не упоминается, либо упоминается вскользь, в общем перечислении.

Никак не умаляя значения творчества своих товарищей, поэтов-фронтовиков, я всё-таки хочу сказать следующее. Наши стихи, написанные в военное время, к широкому читателю стали пробиваться лишь в самом конце войны и даже позже — после её окончания. Например, я сам знал в конце войны лишь отдельные строки своих ровесников. По настоящему я познакомился с ними лишь на Первом Всесоюзном совещании молодых писателей, которое было в 1947 году... А песни Фатьянова я знал и пел именно во время войны, когда они были самыми необходимыми. Пел их, идя в бой, на привалах, в госпиталях...

С Алексеем Фатьяновым мы нередко встречались в Доме литераторов, и просто на улице, и на отдыхе в Коктебеле, и позже — в редакциях журналов.

Он был шутник, иногда любил и приврать.

Как-то зашёл он в журнал «Юность» и говорит:

— Коля, я вчера был в кабаке вместе с Валюном (так за глаза иногда называли Валентина Катаева), показал ему свою поэму-сказку о карасе. Он пришёл в дикий восторг. Сказал мне: «Неси в „Юность“, отдай Старшинову. Скажи, чтобы немедленно послал её в набор!.. Гениальная вещь!..»

Алексей вынул из нагрудного кармана свёрнутую в трубку большую рукопись и небрежно бросил её на стол.

Я прочитал её и через неделю, когда он зашёл в редакцию, сказал:

— Сказка не пойдёт!

Безо всякого возражения Фатьянов взял её со стола, свернул в трубку и, как бутылку, отправил снова в нагрудный карман:

— Ну, будь!.. — сказал он мне на прощание, не затаив никаких обид на меня и даже не щегольнув оценкой, которую, якобы, дал сказке Катаев, якобы, в кабаке...

Но особенно запомнилась мне наша встреча, которая произошла года через два после войны, в День Победы.

Шли мы вечером в районе Гороховой улицы мимо студенческого общежития. Из открытых окон полуподвала, у которых прогуливались студенты, вырывалась песня:

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои...

В полуподвале, за накрытым столом, сидели в основном девушки. Алексей остановился, нарочито громко сказал, кивнув на окна:

— Меня поют!.. Всё-таки знают Фатьянова!..

Прогуливающиеся студенты окружили нас:

— Вы Фатьянов?!

Через минуту мы уже были за праздничным столом — нас насильно втащили в общежитие. А запевалой был уже сам поэт. Порывистый, увлекающий за собой — настоящий запевала!..

Уверен, что этот случай можно объяснить не тщеславным самоутверждением поэта, а вполне понятным желанием справедливости.

Подтверждением этого может служить и такой факт:

Вечером 1959 года, в День Победы, мы с поэтом Виктором Гончаровым сидели на кухне (благо жили в одной квартире). То не спеша, то торопливо вспоминали военное время, пили вино, пели песни. И всё фатьяновские!..

Нам стало обидно за товарища:

— Что же никто не скажет в печати о нём доброе слово?!

Вот и сказал Виктор:

— Давай соберёмся и сами напишем о нём статью, раз у критиков никак не доходят до этого руки!

— Когда?

— А чего откладывать — сейчас!..

Мы убрали со стола. Взяли бумагу и ручки.

К утру статья была готова. (Впрочем, она так и не была напечатана при жизни поэта, но явилась основой для предисловия к книге «Соловьи», выпущенной издательством «Художественная литература» двенадцать лет спустя.)

Мы перепечатали её.

— Давай позвоним Алёше!

Виктор Гончаров прочитал ему по телефону всю статью.

— Спасибо, братцы!.. — голос поэта сорвался, и Алексей повесил трубку...

Большинство песен Алексея Фатьянова живёт и сегодня. И по сей день их поют и его ровесники, и молодёжь, хотя многие даже не знают имени автора. Они стали народными...

Но каждый год, накануне Дня Победы, потеснив сегодняшние песни, мгновенно завоевывающие популярность и также мгновенно её теряющие, начинают звучать с эстрады, по радио и по телевидению песни времён Великой Отечественной войны.

Вот суровая, пронзительно-тревожная, зовущая в бой «Священная война» В. Лебедева-Кумача, вот задумчивая, щемяще-грустная «Землянка» А. Суркова, вот задушевная и в то же время героическая «В лесу прифронтовом» М. Исаковского. А вот «На солнечной поляночке», «Ничего не говорила», «Соловьи», «Звёздочка», «Давно мы дома не были» и наконец — «Где же вы теперь, друзья-однополчане?..» Звучит Алексей Фатьянов!..

В пору, когда сумрачно в природе и на душе, когда надвигаются тучи, заволакивая всё небо, я всегда вспоминаю:

Когда полыхают зарницы,
Приходит гроза из-за гор,
Поближе к окошку садится
Мой старый товарищ, майор.

Лишь гром прогремит в отдаленье,
Осветит гроза небосклон,
Он шепчет: «Пора в наступленье,
Вперёд, боевой батальон!»

И чудится, братцы, майору:
Идут от реки до реки,
Идут через доли и горы
Гвардейские наши полки...

Вот уже полвека с лишним (а это ли не недостаточная проверка временем!) я не расстаюсь с песнями Алексея Фатьянова, они живут во мне также, как и в сердцах моих ровесников. Они печалят и радуют, возвращают в прошлое, зовут в будущее.

И вслед за именами прекрасных русских поэтов, создателей нашей лирической песни — А. Кольцова, И. Сурикова, С. Есенина, М. Исаковского — я ставлю имя Алексея Фатьянова. И уверен — по праву.